

Черкасов Александр. На передовой

Вообще-то пуля ходила за ним с самого начала нашего знакомства. С 3 октября 1993 года, когда Стас бегал по Москве и таскал раненых. А что еще было делать среди общего безумия? Группа молодых людей из числа «левых» вспомнила Максимилиана Волошина, организовала «медбригаду».

Когда в его родном городе началась война, девятнадцатилетний Стас Маркелов, хиппи с собранными в «конский хвост» волосами, тусующийся с «анархами» студент-юрист, оказался на своем месте: не в окопах и не на баррикадах, не на той или другой стороне, а между ними. Помогал всем – сначала избитым солдатам, потом раненым демонстрантам. Наверное, лучший, если не единственный способ сохранить себя, когда всех вокруг охватило безумие. По той же причине оказались на улицах Москвы и «мемориальцы», и делали то же дело – так и познакомились.

...Хоронили Стаса в Москве на маленьком Останкинском кладбище, – деревни исчезли, поглощенные Москвой, а деревенские погосты остались. Шел ледяной дождь. Верхушка телебашни, вздымающейся неподалеку, исчезала в низких облаках. На стекле кладбищенской сторожки была знакомая эмблема: зажатый в кулак «Калашников». «Союз ветеранов “Витязя”»...

Многих друзей Стаса эти молчаливые символы возвращали к началу. Пятнадцать лет назад для них все начиналось совсем рядом, у телецентра, на улице Академика Королева, перед зданием аппаратно-студийного комплекса № 3. Внутри АСК-3 находились те самые «Витязи», еще не ветераны, – спецназ внутренних войск под командой генерала Павла Голубца. Снаружи – многотысячная толпа демонстрантов, пришедшая от Белого дома. Среди этих тысяч – несколько десятков боевиков под командой генерала Альберта Макашова. И немногочисленный санитарный отряд, добровольцы, «дружина имени Максимилиана Волошина». После бойни в Останкино на московских погостах появилось 46 новых могил. Для Стаса, как и для других сандружинников, многое в жизни определилось вечером 3 октября 1993 года...

Чудо, что никто из «волошинцев» тогда не пострадал. Опасно бегать под пулями, вытаскивая людей? Теперь выясняется, что не более опасно, чем быть адвокатом. Чем помогать потерпевшим в суде. Потерпевшим – то есть опять жертвам. Рискну сказать – жертвам той самой бесконечной войны, что из Москвы 1993-го год спустя пришла на Кавказ, а потом вновь вернулась в Москву.

Летом 1994-го Стас даже съездил на Кавказ, в Ингушетию, в зону недавнего вооруженного конфликта.

Однако Станислав стал не «правозащитником» (слово, порою скрывающее под собой дремучее неумение), а защитником в строгом смысле этого слова – адвокатом. Вышел из «неформальной» среды.

К концу 1990-х его умение признала даже Федеральная служба безопасности. Стас был защитником по многим делам, где российских «левых» обвиняли в терроризме – от попыток взорвать московские памятники царям до якобы подготовки покушения на «батюку Кондратенко» в Краснодаре. Многие из этих дел «развалились», а обвиняемые были оправданы. В итоге летом 1999-го по очередному такому делу ФСБ поспешила допросить Маркелова в качестве свидетеля – а свидетель в дальнейшем уже не может быть защитником.

Но настоящую известность Станиславу принесло участие в двух наиболее громких «чеченских» делах. И многие дела Стаса можно проследить по статьям Анны Политковской. Правда, только до 7 октября 2006 года... Такие дела.

Маркелов был представителем потерпевшей стороны в делах Буданова и Лапина. Будановским делом он занимался до конца, пытался опротестовать условно-досрочное освобождение убийцы.

А вот дело Лапина – единственная история исчезновения жителя Чечни, закончившаяся осуждением российского «силовика», – менее известно.

Лапин (оперативный позывной «Кадет») имел глупость угрожать Анне Политковской, расследовавшей в своих статьях дело об исчезновении молодого чеченца Зелимхана Мурдалова.

Лапин даже подписывал электронные письма с угрозами своим позывным. На том и погорел – дело приобрело общественную значимость, «Кадета» арестовали и этапировали в Чечню...

На суде адвокат Станислав Маркелов, представлявший интересы Астамира Мурдалова, отца «исчезнувшего», добился исключения из дела «доказательств, полученных с нарушением закона», – ведь в Грозном Лапина поместили в ОРБ-2, незаконную пыточную тюрьму. Место, если и лучшее, чем Октябрьский временный отдел внутренних дел Грозного, в котором Лапин работал зимой 2001 года, то не намного. И не дать там любые показания было трудно.

Казалось бы, адвокат работает против себя, но... В итоге приговор основывался только на объективных доказательствах, а не на личном признании обвиняемого. И последующее обжалование не позволило Сергею Лапину выйти на свободу. «Верховенство права», вынесенное Стасом в название своей организации – не лозунг, а практическая потребность.

В этих двух делах Станислав Маркелов защищал честь России. Если когда-то будут писать про борьбу с военными преступлениями в России, обязательно напишут: «При участии

адвоката Станислава Маркелова были отправлены за решетку Юрий Буданов и Сергей Лапин – первые из военных преступников, осужденные за содеянное в Чечне». Это – останется.

Он был едва ли не единственным русским адвокатом, работавшим по громким делам в самой Чечне. Вплоть до самого последнего времени – Станислав был защитником Магомедсалаха Масаева, тягавшегося с чеченскими властями по поводу длительного содержания в незаконной тюрьме. 3 августа 2008 года Масаев был похищен в Грозном, и «исчез». Такие дела.

Участие во всех этих судебных процессах казалось для Стаса естественным и логичным. Маркелов защищал левых активистов – в самых разных регионах России. Экологов, протестные лагеря которых в разных регионах страны все чаще становились предметом внимания административных и правоохранительных органов, законных и незаконных вооруженных формирований. Профсоюзных активистов. Белорусских оппозиционеров. Если кто не знает, это называется интернационализм...

И главные его дела по сути антифашистские – защита жертв военных преступлений и преступлений против человечества. Это не только «чеченские» дела.

2002 год, Москва, «Норд-Ост». Террористы и контртеррористическая операция не где-то далеко, а в центре столицы. Стас защищал Яху Несерхоеву – заложницу, из которой пытались сделать террористку. Потом отстаивал интересы матери Маши Пановой, которая пыталась удостовериться, что ей выдали для похорон тело ее дочери.

2004 год, Башкирия, Благовещенск: ОМОН вернулся из Чечни и «зачистил» город. Стас представлял интересы трехсот сорока двух(!) потерпевших.

Да и Бекетова, редактора «Химкинской правды», Стас защищал от властей. А тот, кстати, писал о сносе памятника погибшим в Великую Отечественную солдатам – видимо, недостаточно бронзовым... (в отличии от Таллинского).

Антифашистов тоже защищал – быть против фашизма тоже стало небезопасно. Маркелов был представителем потерпевшей стороны по делу Александра Рюхина. Этого молодого антифашиста убили в Москве в 2006 году...

Да все и не перечислишь.

Теперь, после гибели, его жизнь видится как прямой, сознательно выбранный путь. Биография уже написана – им самим.

Первый раз на Станислава напали 16 апреля 2004 года в московском метро. Избили до потери сознания, забрали документы и телефон.

Кто? Из-за какого дела?

Тот же вопрос задавал я себе и после убийства. Станислав Маркелов был адвокатом по таким «горячим» делам, что теперь уже трудно сказать, с какой стороны могла прилететь пуля.

Почти то же самое – и в отношении Анны Политковской. Почемуто в столь разных делах – один и тот же человек. Почему? Наверное, на передовой мало места.

Маркелов столь же выделялся из адвокатского сообщества, как Политковская – из сообщества журналистского. Пути этих двух людей не раз пересекались за последние годы. По-разному, но «на передовой» делали они одно дело. Среди общего безумия найди свое осмысленное занятие – может быть, спасешь себя и других...

Борьба с фашизмом – это не только шестьдесят с лишком лет назад, но и «здесь и сейчас». И не только «сейчас».

«Почему я антифашист?» Так назвал один мой знакомый свою статью, запущенную в самиздат в конце семидесятых¹. Не он один видел в увешанной юбилейными плакатами «стране, победившей фашизм», видовые признаки побежденного.

В 60-е Юлий Даниэль² – писатель, бывший фронтовик, ставший мордовским зэком, – удивлялся необычайному внешнему сходству между охранниками Дубравлага и эсэсовскими офицерами, персонажами отечественного кино. Потом удивляться перестал, поскольку понял, что иного образца для подражания у тюремщиков не было.

У противостоявших «системе» был тот же противник, что и у Стаса Маркелова, и у легших под гранитные плиты солдат. На родине победителей со шварцевским Драконом десятилетия спустя тоже воевали молодые, не поседевшие еще люди.

Только времена были немного другие. За слово тогда, как правило, не убивали. Впрочем, советский человек мог умереть больше одного раза: эмиграция немногим отличалась от смерти – уход в края, откуда не возвращаются. У советского человека была еще одна возможность уйти из этой жизни, уйти в небытие, «в море», – «на зону».

Что было практически невозможно – открыто противостоять власти. Открытое выступление влекло за собой практически немедленный жесткий ответ. Так что по большей части тексты того времени остаются неподписанными. И жизнь советского человека от решения противостоять системе до неизбежного ухода – в ту или другую сторону – была коротка.

Сергей Ковалев³ в мае 74-го взял на себя ответственность за распространение «Хроники текущих событий»⁴ – и тем самым предрешил арест в декабре того же года. Но сама «Хроника» – дело жизни Ковалева в то время – оставалась анонимной. На момент ареста в декабре 1974-го ему было 44 года. Из них только семь лет активной общественной жизни. Много. Обычно «туда» попадали раньше и моложе – открытые общественные выступления влекли быструю реакцию власти, а противостояли этой власти обычно люди молодые.

¹ «Почему я антифашист» – эссе П. Ростина (псевдоним Михаила Всеволодовича Розанова).

2 Даниэль Юлий Маркович (1925–1988) – советский поэт, прозаик, переводчик, диссидент. Опубликовал за рубежом повести и рассказы (под псевдонимом Николай Аржак). В 1965 г. арестован и в 1966 г. приговорен за эти публикации к 5 годам лагерей (вместе с другом Андреем Синявским: «процесс Синявского–Даниэля»).

3 Ковалев Сергей Адамович (1930 г.р.) – советский диссидент, правозащитник, политик. Ковалев был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». В декабре 1975 г. суд приговорил его к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки. Председатель Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», президент Института прав человека.

4 Машинописный информационный бюллетень советских правозащитников, в котором с удивительной для тех условий точностью фиксировались нарушения прав человека в СССР.

Вообще, мы привыкли, что со стен школьных классов, со страниц энциклопедий на нас смотрят портреты – маститые деятели, ученые и писатели, убеленные сединами. А если приглядеться – когда они сделали свои ключевые открытия, написали книги, совершили главные поступки? Сколько им было? Двадцать с чем-то, чуть за тридцать?

Русское освободительное движение тоже было делом молодых.

Анатолий Марченко¹ лагерный срок за пущенную в самиздат в 1967-м книгу «Мои показания» получил в 1968-м, тридцати лет от роду (за плечами уже были годы в советских лагерях – о них-то и была написана книга). В 1967-м, тоже тридцати лет, был арестован и Александр Гинзбург² – за «Белую книгу по делу Синявского и Даниэля» (а до того уже был срок за литературный альманах «Синтаксис»). А Владимира Буковского³ в третий и последний раз арестовали в 1971-м, когда ему было 28 лет, – за рассказ о советской карательной психиатрии. Перечисление можно было бы продолжать. Власть ломала им судьбы, но они упрямо вели ломаную линию жизни в выбранном направлении, и платили годами неволи за слова правды.

20 мая 2009 года Станиславу Маркелову исполнилось бы тридцать пять.

В его единственной жизни выпала возможность идти прямой дорогой, говорить вслух, от своего имени, публично, в лицо врагу. Если вдуматься, почти счастье. Поэтому цветы и фотографии на уступе белой стены на Пречистенке не вызывают жалости. Скорее, сожаление. Вспоминаются слова: «Живи легко...». К сожалению, за этим следует «...умри молодым».

Хотя сам Стас Маркелов соотносил себя прежде всего с левыми течениями русского освободительного движения, он, несомненно, продолжал и традицию диссидентскую. Что означало: ощущая сложившиеся рамки, расширять их, ломать, выходить за пределы традиций.

Несколько лет назад одна из «мемориальных» коллег обратилась ко мне за помощью в непростом уголовном деле. Пришло письмо из мест, не столь отдаленных от Москвы.

Писавшего несправедливо осудили, но оформлено это осуждение было «чисто». Дело – не политическое, просто местная коррупция и произвол...

Впрочем, и в советское время таких дел было немало – тех, кто на воле или на «зоне» не имел своего адвоката. Например, Андрей Амальрик⁴ – человек вроде бы изобретший само слово «диссидент», в магаданском лагере оставался «правозащитником»: писал для солагерников заявления и жалобы на предмет пересмотра дел. Вообще-то такого рода заявления – штука не менее «правозащитная», чем громкие «открытые письма»: это были два жанра, две формы «правозащитной» работы. Заявления с большой буквы теперь были бы квалифицированы как «общественная деятельность», «публицистика» или «журналистика». Жалобы «в инстанции» по частному делу относились, скорее, к адвокатской практике.

Постсоветские правозащитники профессионализировались.

1 Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986) – писатель, диссидент, советский политзаклученный. Пять раз был осужден по политическим обвинениям, около 19 лет провел в заключении. Умер в тюрьме. Автор мемуарно-документальных книг о послесталинских лагерях: «Мои показания» (1967), и др.

2 Гинзбург Александр Ильич (1936–2002) – журналист, издатель, правозащитник, один из первых советских диссидентов.

3 Буковский Владимир Константинович (1942 г.р.), – писатель, политический и общественный деятель, ученый-нейрофизиолог. Один из основателей диссидентского движения в СССР. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провел 12 лет. В 1976 г. советские власти обменяли Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. Сейчас живет в Великобритании.

4 Амальрик Андрей Алексеевич (1938, Москва – 1980, Испания) – диссидент, публицист, писатель.

Появились журналисты, специализировавшиеся на тематике прав человека, такие, как Галина Ковальская¹ или Анна Политковская – вроде, журналисты, но «наши». А кое-кто из «правозащитников» и сам начал писать сносного качества тексты. Впрочем, диссидентская «Хроника» и по нынешним временам может считаться качественной журналистикой...

Появились в последние годы и «правочеловеческие» адвокаты, одним из которых был Маркелов. Это ведь тоже продолжение традиции русской адвокатуры – братья за дела, как сказали бы теперь, «социально значимые», но в силу этого отнюдь не денежные, а порою и опасные. Можно вспомнить имена Плевако или Бобрищева-Пушкина, современников русского освободительного движения, или «диссидентских» адвокатов Софью Каллистратову² и Дину Каминскую³. Впрочем, в новейшее время некоторые правозащитники сами освоили соответствующий юридический язык и практику, специализируясь по тематике, по тем группам, которые защищают (жертвы вооруженных конфликтов, беженцы, заключенные и т.д.), или, например, по подаче жалоб в Европейский

суд по правам человека в Страсбурге.

На какое-то время в России появились и «правозащитные чиновники» – депутаты, их помощники, эксперты, готовившие и продвигавшие законы, лоббировавшие «права человека» на государственном уровне. Таких не было в советское время, а сейчас, похоже, перевелись: «экологическая ниша» схлопнулась...

Казалось бы, такая профессионализация и специализация – несомненный шаг вперед. Однако у всякого явления есть и обратная сторона.

...Так вот обращается ко мне Людмила Александровна Щербакова с письмом от «сидельца». Одновременно она обратилась и к адвокату Станиславу Маркелову, и тот в помощи не отказал, вошел в дело как защитник.

1 Ковальская Галина Яковлевна (1959–2003) – обозреватель отдела политики журнала «Ит - ги» с 1996 г.

2 Каллистратова Софья Васильевна (1907–1989) – адвокат, выступала в политических процессах, защищала В. Хаустова, В. Делоне, крымских татар, И. Яхимовича, П. Григоренко, Н. Горбаневскую, А. Малкина. Лишена «допуска» к политическим делам, в 1977–1982 гг. член Московской Хельсинкской группы. Против нее было возбуждено уголовное дело.

3 Каминская Дина Исааковна (1919–2006) – адвокат, выступала в политических процессах, защищала В. Буковского, Ю. Галанскова, А. Марченко, Л. Богораз, П. Литвинова, И. Габая, лишена адвокатского статуса, в 1977 г. была вынуждена эмигрировать, работала на радио.

А я-то вижу: по закону помочь не смогу. Тот же самый вывод сделал и другой мой коллега из числа «старых диссидентов». Но есть, думаю, в «правозащитном сообществе» специалисты – пересылаю к ним, к тем, кто умеет грамотно защищать жертв произвола. Те тоже не видят перспектив для пересмотра дела, но оплатить адвоката были готовы «по конечному результату». «Конечный результат» был предсказанный: обжаловать приговор в суде не удалось.

Но адвокат Станислав Маркелов не ограничился своей профессиональной адвокатской функцией. Он организовал по этому делу прессконференцию, появились публикации в прессе. Спустя какое-то время «сидельца» досрочно освободили. И есть все основания видеть тут причинно-следственную связь... Вот, собственно, и вся история.

«Профессионализировавшиеся» правозащитники сочли дело безнадежным. Адвокат, понимающий пределы профессии, вышел за ее рамки – и чего-то добился.

...Но ведь и те, кто в конце 60-х составлял движение, названное затем диссидентским, тоже выходили за рамки: первый в СССР за многие десятилетия неофициальный митинг, первые открытые письма, первое неподцензурное периодическое издание, первое независимое общественное объединение. Однако новизна норовит стать догмой.

Сейчас российские независимые сообщества вновь оказались ограничены, и эти границы сужаются. Но возможно, не меньшие ограничения связаны с теми рамками, которые люди сами себе придумывают.

Поэтому, «если тебе дадут линованную бумагу – пиши поперек».

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 02:35:05

Зверобой обновил 16 апреля 2025 02:45:27